

Введение

В настоящее время активно возрастает интерес к психологии личности, а мотивационная сфера, безусловно, является ее ядром. Усложнение деятельности людей, их поступков, изменяющаяся социальная обстановка делают изучение мотивации поведения человека актуальной проблемой психологии.

Сложность и противоречивость изучения процесса мотивации объясняется тем, что каждый автор имеет свой взгляд на данную проблему, каждый по-своему трактует содержание данного процесса, структуру мотива.

Актуальность данной темы заключается в том, что, поняв механизм формирования мотивационной сферы человека, мы сможем целенаправленно влиять при помощи воспитательных воздействий на становление мотивации наших детей; руководители смогут эффективно управлять персоналом, повышая производительность предприятия при помощи мотивирования своих сотрудников; получив представление о том, что же такое мотивация и каковы наши истинные мотивы, каков собственно механизм мотивации, мы сможем эффективнее распоряжаться собственной жизнью, адекватно воспринимать не только окружающих нас людей, но и всю ситуацию взаимодействия, наслаждаться настоящим, прислушиваясь к своим потребностям и желаниям, строить планы на будущее, опираясь на свои истинные мотивы.

Итак, цель данной работы: проанализировать историческое изучение понятия мотивация.

Задачи: 1) теоретический анализ литературы по проблеме; 2) выявление различных позиций авторов на изучение понятия мотивация; 3) изучение современного исследования проблемы мотивации.

Объект исследования: понятие мотивации.

Предмет исследования: история изучения понятия мотивация.

Гипотеза исследования: существуют различные подходы в определении понятия мотивация.

1. Понятие и сущность мотивации

1.1 Механизмы формирования мотивации в психике человека

Термин «мотив» - русифицированное французское слово «motif», в буквальном смысле слова обозначает «побуждение», или от латинского слова «movere» - двигаю.

Большая Советская Энциклопедия приводит следующее определение данному понятию: «Мотив в психологии - побудительная причина действий и поступков человека. Исходным побуждением человека к деятельности являются его стремления удовлетворить свои материальные и духовные потребности».

Какова же природа механизма мотивации в психике человека? В лабораторных условиях проводились опыты над животными, в которых пытались выявить, при помощи раздражения электрическим током отдельных участков коры головного мозга, те участки мозга, воздействие на которые, приводило бы к активизации поведения животного на удовлетворение своих биологических потребностей.

С помощью прямого раздражения мозга электрическим током, через заранее вживленные электроды, были найдены структуры, ответственные за эмоции, потребности и действия. В результате подобного рода исследований было обнаружено, что потребности (жажда, голод и т.п.), эмоции (ярость, страх и т.д.) и действие, как сложно организованные целенаправленные двигательные акты, репрезентированы в Головном мозгу тесно связанными между собой, но самостоятельными нервными образованиями. Мотивационные и подкрепляющие (эмоционально положительные) системы разделены в мозге, хотя при самостимуляции наблюдается их одновременное возбуждение. Таким образом, существует различие механизмов потребностей и эмоций, хотя полный комплекс морфофизиологической организации поведения включает в себя помимо потребности и мотивации также и эмоции.

Слабое раздражение током приводит к поисковому беспокойству. Происходит актуализация потребности. Система структур, необходимых и достаточных для актуализации потребности более проста, содержит в себе меньшее число компонентов. Усиление интенсивности тока ведет к началу действия у мотивированного животного. Это происходит вследствие воздействия на систему, обеспечивающую целенаправленное мотивирование животного. Дальнейшее усиление тока ведет к активизации структур эмоционально положительного подкрепления и животное переходит к самораздражению, то есть произошло подключение и нервного аппарата эмоций.

Этот опыт показывает не только тесную взаимосвязь между структурами, отвечающими за активизацию потребности и эмоционального фона удовлетворения этой потребности, но и то, что мотивация, как сложная структура, представлена в коре головного мозга самостоятельным нервным образованием.

Рассмотрим теперь структуру возникновения потребности и её актуализацию через действие, ведущее к её удовлетворению, то есть как происходит мотивация человека посредством следующей схемы: нужда - потребность - действие.

Нужда, как свойство жизни, является не усматриваемым, а реальным онтологическим состоянием организма, выражающим необходимость определенных изменений для своего носителя, а не для наблюдателя, то есть она всегда «нужда» для себя, а не только «нужда» для другого.

Компонент нужды - благо - это то, в чем организм нуждается, и что способно эту нужду устранить.

Но не все нужды живого организма способны привести его в состояние активности, направленной на их устранение. Для того, чтобы нужда была способной вызвать какие бы то ни было активные процессы, должны существовать специальные механизмы, способные эту нужду обнаружить до того, как наступают необратимые разрушительные ее последствия, то есть организм должен быть оснащен средствами выявления нужды. Также организм должен быть оснащен еще и механизмами, способными обеспечивать его необходимыми благами.

Потребность - представляет собой такую нужду живого организма, в отношении которой он вооружен специальными механизмами ее обнаружения и устранения. То

есть потребность - это не только нужда, но и определенный закрепившийся (в фило-, и онтогигезе) способ ее удовлетворения.

Собственно потребность - это всегда потребность в чем-то, что на психологическом уровне потребности опосредованы психическим отражением, и при том двойко. С одной стороны предметы, отвечающие потребностям субъекта, выступают перед ним своими объективными сигнальными признаками. С другой стороны - сигнализируются, чувственно отражаются субъектом и сами потребностные состояния, в простейших случаях - в результате действия интероцептивных раздражителей. При этом важнейшее изменение, характеризующее переход на психологический уровень, состоит в возникновении подвижных связей потребностей с отвечающими им предметами. Дело в том, что в самом потребностном состоянии субъекта предмет, который способен удовлетворить потребность, жестко «не записан». До своего первого удовлетворения потребность «не знает» своего предмета, он еще должен быть обнаружен. Только в результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый предмет - свою побудительную и направляющую деятельность функции, то есть становится мотивом.

Животные любого уровня развития - от простейших до человека, любого образа жизни в принципе одинаково успешно удовлетворяют свои биологические потребности, специфическими для каждого из них средствами. Скажем, образ жизни пчелы не требует повышения ее психических возможностей. Более того, это повышение было бы несовместимо с ее образом жизни и неминуемо привело бы ее к гибели. Необходимо было бы принципиально перестроить образ жизни, поведение, питание и т.д., причем, в процессе этой перестройки биологические потребности, как правило, страдают, а сам вид животного либо не выдерживает перестройки и вымирает, либо превращается в совершенно новый вид.

Принципиально новые мыслительные функциональные возможности, которые возникают со становлением человека, обслуживают те потребности, которые оказываются в данный момент его жизни наиболее актуальными. В условиях первобытнообщинного строя эти способности нередко направлялись в основном на удовлетворение жизненно важных потребностей, прежде всего потребности в пище. В этом случае удовлетворение элементов высших потребностей было как бы вплетено в единую деятельность; эти потребности еще не выступали как относительно самостоятельные. Но даже в тот период улучшение условий жизнедеятельности, связанное с высвобождением функциональных возможностей и времени, превращало высшие потребности из потенциальных, скрытых в актуальные, имеющие собственное проявление в деятельности.

Как это ни парадоксально звучит, на первый взгляд, но новые психические возможности никогда не возникают ради более высокого удовлетворения прежних потребностей животного - они всегда возникали, как средство удовлетворения существенно иных, более тонких, более богатых потребностей. Это касается и человека, у которого смысл жизни и потребности далеко не сводятся к чисто биологическим потребностям и даже эти последние имеют и социальную и

эстетическую функции, т.е. не являются только и чисто биологическими. Таким образом, высшие потребности и соответствующие функциональные возможности возникли не как средство более совершенного удовлетворения тех же биологических потребностей; скорее наоборот, новые функциональные возможности обусловили постепенное становление, как новых потребностей высшего порядка, так и новых уже человеческих биологических потребностей.

Следует различать два аспекта вопроса о «первичности» и «вторичности» биологических и духовных потребностей: аспект временной последовательности их оформления как относительно самостоятельных в филогенезе и онтогенезе и аспект их структурно-функционального взаимоотношения. В первом аспекте биологические потребности действительно первичны: духовные окончательно оформляются несколько позже. Но зато во втором, наоборот, духовные потребности являются первичными, поскольку выполняют важнейшую смыслообразующую функцию человеческого сознания в регулировании поведения, в управлении потребностями (в том числе и биологическими), создавая при определенных условиях принципиальную возможность предпочесть духовные высшие потребности биологическим, пожертвовать последними и даже жизнью ради той из высших потребностей, которую человек считает смыслом своей жизни.

И духовные, и биологические потребности имеют как минимальный, жизненно необходимый для человека уровень удовлетворения, так и более высокие, жизненно не необходимые, например «эстетические», уровни. Последние являются, так сказать, роскошью для человека, они возникают только при наиболее благоприятных обстоятельствах жизни. Но было бы неверным считать, что человек может позволить удовлетворение духовных потребностей только после значительного или полного удовлетворения биологических. В минимальной степени те и другие, по-видимому, являются совершенно необходимыми для существования человека. Но их содержательная роль, их функция в жизни человека и в его деятельности совершенно различны. Те и другие одинаково важны, в конечном счете, в масштабе всей жизнедеятельности человека, но в зависимости от конкретных обстоятельств, от ситуации эти потенциально одинаково существенные потребности актуально могут проявляться совершенно по-разному: в одних случаях духовные отодвигаются на задний план, уступая место биологическим, в других - биологические уступают место духовным, причем это может наблюдаться не только в узких ситуативных рамках, но и в более широких масштабах жизнедеятельности, на протяжении длительного времени.

Неправомерно также умозаключение по аналогии следующего вида: поскольку общественно-экономические факторы являются первичными по отношению к духовным, то и материально-биологические потребности являются первичными и определяющими по отношению к духовным. В этой формулировке принижается регулирующая роль человеческого сознания. Бытие человека, взятое в психологическом, а не в общесоциальном аспекте, нельзя приравнивать к одному из видов мотивации, материально-биологическим потребностям, и считать последние первичными и определяющими.

Было бы неверным абсолютизировать процессы формирования «от внешнего к внутреннему», так же как и механизм «от внутреннего к внешнему». Нельзя преувеличивать значение внешне развернутой деятельности, принижая роль внутренне развернутой, т.е. специфически психической деятельности.

Определенным образом сложившаяся или специально организованная структура внешне развернутой деятельности способствует формированию тех или иных психических образований (мыслительных, мотивационных); в этом плане такая структура деятельности является мощным средством активного формирования личности. Однако, она создает лишь потенциальные условия формирования, которые могут не превратиться в актуальные без определенной внутренней организации, без динамической и содержательно-смысловой перестройки внутренних психических образований.

Внутреннее и внешнее идут вместе, в единстве, и их роль в процессах формирования личности в принципе равноценна, но функционально различна. Процесс формирования идет по уровням, в каждом из которых внешнее и внутреннее проявляются во все более совершенной форме. Одна из важнейших особенностей детерминации развития личности состоит в том, что примитивная внешняя деятельность раннего этапа, регулируемая столь же примитивным психическим механизмом, уже содержит в себе нечто большее, чем отраженное в этом механизме, поскольку через деятельность осуществляется контакт с действительностью; осмысление нового материала, получаемого в процессе деятельности, приводит к формированию нового психического механизма, регулирующего деятельность более высокого уровня и более широкой сферы, и т.д.

Аналогично этому и перспективные в смысле возможностей развития внутренние психические образования, и человеческое мышление, и мотивация и т.д. уже с самого начала содержат в себе гораздо более богатое потенциальное содержание по сравнению с узко, избирательно отражаемыми ими сторонами действительности и регулируемой ими деятельностью. Именно благодаря этому психические механизмы могут включать в себя новый материал, сложившийся в действительности (как побочный результат деятельности). Сфера деятельности расширяется, она поднимается на более высокий уровень, реализуются потенциальные возможности развития благодаря уже имеющимся внутренним психическим механизмам или совершившейся их перестройке. Ни внутренние, ни внешние образования в этой диалектически противоречивой и вместе с тем целостной детерминации нельзя объявить первичными или вторичными, хотя в отдельных отношениях то внутреннее, то внешнее оказывается первичным (например, в развитии ребенка содержательная сторона психического формируется в основном через внешнее, а динамическая - через внутреннее).

Мы подчеркиваем, что формирование личности в содержательном плане определяется окружающей действительностью. Однако это иногда неверно понимается как результат влияния только внешней по отношению к человеку действительности, т.е. в него не включается сам человек с его биологическими и психическими, в том числе специфически человеческими, особенностями,

требованиями, потенциями развития. Между тем при выяснении истоков и детерминации процесса развития человеческой мотивации эти два полюса детерминации - внутренний и внешний - в принципе представляются двумя одинаково необходимыми и важными моментами диалектически единой структуры. Многие считают, что у человека в отличие от животных в связи с почти полным отсутствием наследственных и вообще врожденных форм поведения уменьшается роль внутренних биопсихических факторов и в огромной степени возрастает роль внешних, в частности социальных. Такой вывод представляется не совсем правильным. Расширение сферы внешней, в особенности социальной, детерминации стало возможным только благодаря соответствующему усложнению физического строения человека и столь же значительному совершенствованию и расширению детерминирующего влияния внутренних психических образований. То, что ребенок в отличие от детеныша животных рождается без готовых форм поведения, вовсе не значит, что он появляется на свет с функционально бедной, чистой, «пустой» психикой и все должен усвоить в результате внешних влияний. Напротив, он рождается в отличие от животного с функционально сложной и лишь постепенно развертывающейся психической системой, которая как раз и позволяет ему в избирательных взаимодействиях с миром черпать из него во много раз больше, чем любое животное.

Бедность психики животного объясняется как генетической ограниченностью внутренних факторов детерминации поведения, так и узостью сферы внешней детерминации развития и функционирования. Богатство человеческой психики, человеческой мотивации определяется сложностью и богатством как внутренних функциональных потенций развития и функционирования, так и сферы внешних взаимодействий с действительностью и в процессе развития, и в процессе зрелой регуляции поведения.

Интересно отметить, что формирование динамики человеческой мотивации начинается как бы с двух полюсов, соответствующих по степени обобщенности динамических характеристик философским категориям всеобщего и единичного. Дело в том, что для детей раннего возраста основными регулирующими факторами динамики выступают, с одной стороны, общие, высокогенерализованные особенности нервной системы (например, свойства темперамента), с другой - ситуативно складывающиеся динамические состояния, определяемые одним или несколькими ведущими факторами. Почему именно эти крайние факторы являются генетически первичными в детерминации динамики мотивации поведения? В основном, по-видимому, потому, что оба они относительно просты в том смысле, что менее всего связаны с содержательной характеристикой мотивации. Эти факторы в «идеальном виде» представляются как чисто динамические. Конечно, реально они очень рано связываются с содержательной стороной мотивации; темперамент никогда не окрашивает в свой динамический «цвет» все поведение, а ситуативные состояния не меняются под влиянием любого внешнего воздействия, но они сохраняют эти особенности как преобладающие.

Темперамент и ситуативные изменения, как «внешнего», так и «внутреннего»

происхождения, оказываются «внешними» по отношению к формирующимся действительно «внутренним» механизмам личности, как целостного образования, как «я».

Таким образом, развитие динамической стороны мотивации - это, с одной стороны, процесс «конкретизации» высокогенерализованных динамических особенностей (свойств нервной системы, темперамента);

с другой - это обобщение и расширение сферы временной действительности ситуативных, процессуальных динамических состояний.

По-видимому, развитие содержательной стороны мотивации приводит к конкретизации динамики, к появлению ряда новых, более конкретных уровней динамической регуляции поведения. Развитие же динамической структуры регуляции приводит к обобщению конкретных содержательно-смысловых состояний в более устойчивые образования на основе учета энергетической стратегии. Но это только одна из многих основ содержательно-смыслового обобщения. Содержательная сторона имеет и свои собственные механизмы и основы обобщения ситуативных комплексов и создания новых, более высоких уровней содержательно-смысловой регуляции.

Оба этих исходных динамических образования имеют общую особенность. Они заданы ребенку в относительно готовом виде: особенности нервной системы - от врожденных факторов, а ситуативные динамические характеристики побуждений и соответствующих действий - от социальной среды. Однако по отношению к собственно-личностной мотивационной системе как активному механизму саморегуляции поведения оба эти фактора выступают как внешние, внешне заданные. Этих действительно внутренних по отношению к личности механизмов у ребенка раннего возраста еще нет или почти нет - они еще должны сформироваться, в частности на основе как биологически, так и ситуативно-заданных динамических характеристик мотивации.

Аналогично этому и содержательная сторона человеческой мотивации также начинает формироваться на основе двух первично заданных полюсов - источников конкретных побуждений: биологических потребностей и актуализируемых, воспитываемых взрослыми специфически человеческих эмоциональных, познавательных, моторных и рецепторных потребностей. Содержание своих побуждений ребенок также вначале «берет» из этих двух готовых областей, истоков мотивации. И лишь постепенно, хотя и с самого начала, с первых недель жизни, у ребенка начинается формирование собственно-личностных мотивационных образований, содержательная сторона которых уже не отражает прямо биологических нужд организма или влияния непосредственной социальной среды, а представляет собой достаточно сложное преломление, опосредование, смысловую переработку, интегративную перестройку этих двух влияний.

Рефлекторная реакция у простейших (допсихических организмов) связана с отражением лишь раздражающего сигнала. Особенностью психики является отражение совокупности свойств и что в условиях необходимости действовать в изменчивой среде ведет к способности целенаправленного поведения.

Целеполагание, такая способность организма активно преследовать цели средствами гибкого приспособления к ситуации, стала возможной благодаря наличию плана предвосхищаемого будущего, так как иначе, чем в этом плане, цель (в строгом смысле слова) просто не может быть задана.

Таким образом, мотивационный аспект психического отражения касается движущих сил и содержательной направленности психических процессов. Возникновение целей - есть основной феномен мотивации.

Генетически исходным для человеческой деятельности является несовпадение мотивов и целей. Напротив, их совпадение есть вторичное явление: либо результат приобретения целью самостоятельно побудительной силы, либо результат осознания мотивов, превращающего их в мотивы-цели.

В отличие от целей, мотивы актуально не осознаются субъектом: когда мы совершаем те или иные действия, то в этот момент мы обычно не отдаем себе отчета в мотивах, которые их побуждают. (Правда, нам не трудно привести их мотивировку, но она вовсе не всегда содержит в себе указание на их действительный мотив).

Мотивы, однако, не отделены от сознания. Даже когда мотивы не сознаются, то есть когда человек не отдает себе отчета в том, что побуждает совершать его те или иные действия, они все же находят свое психическое отражение, но особой форме - в форме эмоциональной окраски действий. Эта эмоциональная окраска, интенсивность, ее знак и ее качественная характеристика выполняет специфическую функцию, что и требует различать понятие эмоции и понятие личностного смысла. Их несовпадение не является, однако, изначальным: по-видимому, на более низких уровнях предметы потребности как раз непосредственно «метятся» эмоцией. Несовпадение это возникает лишь в результате происходящего в ходе развития человеческой деятельности раздвоения функций мотивов.

Такое раздвоение возникает вследствие того, что деятельность необходимо становится полимотивированной, т.е. одновременно отвечающей двум или нескольким мотивам. Ведь действия человека объективно всегда реализуют некоторую совокупность отношений: к предметному миру, к окружающим людям, к обществу, к самому себе. Так, трудовая деятельность общественно мотивирована, но она управляется и такими мотивами, как, скажем, материальное вознаграждение. Оба эти мотива хотя и сосуществуют, но лежат как бы в разных плоскостях.

Таким образом, одни мотивы, побуждая деятельность, вместе с тем придают ей личностный смысл; мы будем называть их смыслообразующими мотивами. Другие, сосуществующие с ними, выполняя роль побудительных факторов (положительных или отрицательных) - порой остро эмоциональных, аффективных, - лишены смыслообразующей функции; мы будем условно называть такие мотивы мотивами-стимулами. Характерная черта: когда важная по своему личностному смыслу для человека деятельность сталкивается в ходе своего осуществления с негативной стимуляцией, вызывающей даже сильное эмоциональное переживание, то личностный смысл ее от этого не меняется; чаще происходит другое, а именно своеобразная, быстро нарастающая психологическая дискредитация возникшей эмоции. Это хорошо известное явление заставляет еще раз задуматься над вопросом

об отношении эмоционального переживания к личностному смыслу. Распределение функций смыслообразования и только побуждения между мотивами одной и той же деятельности позволяет понять главные отношения, характеризующие мотивационную сферу личности: отношения иерархии мотивов. Эти отношения определяются складывающимися связями деятельности субъекта, их опосредствованиями и поэтому являются релятивными. Это относится и к главному соотношению - к соотношению смыслообразующих мотивов и мотивов-стимулов. В структуре одной деятельности данный мотив может выполнять функцию смыслообразования, в другой - функцию дополнительной стимуляции. Однако смыслообразующие мотивы всегда занимают более высокое иерархическое место, даже если они не обладают прямой аффектогенностью. Являясь ведущими в жизни личности, для самого субъекта они могут оставаться «за занавесом» - и со стороны сознания, и со стороны своей непосредственной аффективности.

Факт существования актуально несознаваемых мотивов вовсе не выражает собой особого начала, таящегося в глубинах психики. Несознаваемые мотивы имеют ту же детерминацию, что и всякое психическое отражение: реальное бытие, деятельность человека в объективном мире. Несознаваемое и сознаваемое не противостоят друг другу; это лишь разные формы и уровни психического отражения, находящегося в строгой соотнесенности с тем местом, которое занимает отражаемое в структуре деятельности, в движении ее системы. Если цели и отвечающие им действия необходимо сознаются, то иначе обстоит дело с осознанием их мотива - того, ради чего ставятся и достигаются данные цели. Предметное содержание мотивов всегда так или иначе воспринимается, представляется. В этом отношении объект, побуждающий действовать, и объект, выступающий в качестве орудия или преграды, так сказать, равноправны. Другое дело - осознание объекта в качестве мотива. Парадокс состоит в том, что мотивы открываются сознанию только объективно, путем анализа деятельности, ее динамики. Субъективно же они выступают только в своем косвенном выражении - в форме переживания желания, хотения, стремления к цели. Специфика мотивации в структуре психики человека заключается в опосредованности интеллектом, речью и сознанием и в отличие от животных осуществляется при помощи волевых процессов.

Итак, мотивационная структура человека представлена в коре головного мозга отдельным нервным образованием. Она имеет сложную структуру и двойственную природу. С одной стороны, выделяют биологические потребности, с другой - социальные. Совокупность этих двух уровней и составляет, собственно, мотивационную сферу человека. Структура мотивации человека имеет сложную систему, которая характеризуется иерархической соподчиненностью, полимотивированным характером, поливалентностью мотивов по отношению к потребностям и взаимозаменяемостью. Она складывается под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. И в целом, мотивационная сфера индивида определяет общую направленность личности.

2. Историческое изучение понятия мотивация

2.1 Первые теории мотивации

Многочисленные теории мотивации стали появляться ещё в работах древних философов. В настоящее время таких теорий насчитывается уже не один десяток. Чтобы их понять, важно знать предпосылки и историю их возникновения. Истоки современных теорий мотивации следует искать там, где впервые зародились сами психологические знания.

Взгляды на сущность и происхождение мотивации человека на протяжении всего времени исследования этой проблемы неоднократно менялись, но неизменно располагались между двумя философскими течениями: рационализмом и иррационализмом. Согласно рационалистической позиции, а она особенно отчетливо выступала в работах древних философов и теологов вплоть до середины 19 века, человек представляет собой уникальное существо особого рода, не имеющее ничего общего с животными. Считалось, что он, и только он, наделен разумом, мышлением и сознанием, обладает волей и свободой выбора действий. Мотивационный источник человеческого поведения усматривается исключительно в разуме, сознании и воле человека.

Иррационализм как учение распространяется в основном на животных. В нем утверждалось, что поведение животного в отличие от человека несвободно, неразумно, управляется темными, неосознаваемыми силами биологического плана, имеющими свои истоки в органических потребностях.

Первыми собственно мотивационными, психологическими теориями, вобравшими в себя рационалистические и иррационалистические идеи, следует считать возникшие в 17-18 вв. теорию принятия решений, объясняющую на рационалистической основе поведение человека, и теорию автомата, объясняющую на иррационалистической основе поведение животного. Первая появилась в экономике и была связана с внедрением математических знаний в объяснение поведения человека, связанного с экономическим выбором. Затем была перенесена на понимание человеческих поступков и в других сферах его деятельности, отличных от экономики.

Развитие теории автомата, стимулированное успехами механики в 17-18 вв., далее соединилось с идеей рефлекса как механического, автоматического, врожденного ответа живого организма на внешние воздействия. Раздельное, независимое существование двух мотивационных теорий: одной - для человека, другой - для животных, поддержанное теологией и разделением философии на два противоборствующих лагеря - материализм и идеализм, - продолжалось вплоть до конца 19 века.

Вторая половина 19 века ознаменовалась рядом выдающихся открытий в разных науках, в том числе в биологии - появлением эволюционной теории Ч. Дарвина. Она оказала влияние не только на природоведение, но и на медицину, психологию и другие гуманитарные науки. Своим учением Дарвин как бы перекинул мостик над пропастью, многие столетия разделявшей человека и животных на две несовместимые в анатомо-физиологическом и психологическом отношениях группы. Он же сделал первый решительный шаг вперед и в поведенческом и мотивационном сближении этих живых существ, показав, что у человека и животных имеется немало

общих форм поведения, в частности эмоционально-экспрессивных выражений, потребностей и инстинктов.

Под влиянием теории эволюции Дарвина в психологии началось интенсивное изучение разумных форм поведения у животных (В. Келер, Э. Торндайк и др.) и инстинктов у человека (З. Фрейд, У. Макдугалл, И.П. Павлов и др.).

Если раньше понятие потребности, ассоциированное с нуждами организма, применялось только для объяснения поведения животных, то теперь его стали использовать и для объяснения поведения человека, соответственно изменив и расширив применительно к нему состав самих потребностей. Принципиальные отличия человека от животных на этом этапе развития психологических знаний и мотивационной теории старались свести к минимуму.

Человеку в качестве мотивационных факторов стали приписывать те же органические потребности, которыми раньше наделяли только животных, в том числе и инстинкты. Одним из первых проявлений такой крайней, иррационалистической, по существу биологизаторской точки зрения на поведение человека стали теории инстинктов З. Фрейда и У. Макдугалла, предложенные в конце 19в. и разработанные в начале 20в.

2.2 Психоаналитический подход к мотивации

Психоаналитическая теория З. Фрейда основывается на представлении, согласно которому люди являются сложными энергетическими системами. Сообразуясь с достижениями физики и физиологии 19 века, Фрейд считал, что поведение человека активируется единой энергией, согласно закону сохранения энергии (то есть она может переходить из одного состояния в другое, но количество её остается при этом тем же самым). Фрейд взял этот общий принцип природы, перевел его на язык психологических терминов и заключил, что источником психической энергии является нейрофизиологическое состояние возбуждения. Далее он постулировал: у каждого человека имеется определенное ограниченное количество энергии, питающей психическую активность; цель любой формы поведения индивидуума состоит в уменьшении напряжения, вызываемого неприятным для него скоплением этой энергии.

Таким образом, согласно теории Фрейда, мотивация человека полностью основана на энергии возбуждения, производимого телесными потребностями. По его убеждению, основное количество психической энергии, вырабатываемой организмом, направляется на умственную деятельность, которая позволяет снижать уровень возбуждения, вызываемого потребностью. По Фрейду, психические образы телесных потребностей, выраженные в виде желаний, называются инстинктами. В инстинктах проявляются врожденные состояния возбуждения на уровне организма, требующие выхода и разрядки. Фрейд утверждал, что любая активность человека (мышление, восприятие, память и воображение) определяется инстинктами. Влияние последних на поведение может быть как прямым, так и косвенным, замаскированным. Люди ведут себя так или иначе потому, что их побуждает бессознательное напряжение - их действия служат цели уменьшения этого напряжения. Инстинкты как таковые

являются «конечной целью любой активности».

Хотя количество инстинктов может быть неограниченным, Фрейд признавал существование двух основных групп: инстинктов жизни и смерти. Первая группа (под общим названием Эрос) включает все силы, служащие цели поддержания жизненно важных процессов и обеспечивающие размножение вида. Признавая большое значение инстинктов жизни в физической организации индивидуумов, наиболее существенными для развития личности Фрейд считал сексуальные инстинкты. Энергия сексуальных инстинктов получила название либидо (от латинского - хотеть или желать), или энергия либидо - термин, употребляющийся в значении энергии жизненных инстинктов в целом. Либидо - это определенное количество психической энергии, которая находит разрядку исключительно в сексуальном поведении.

Фрейд полагал, что существует не один сексуальный инстинкт, а несколько. Каждый из них связан с определенным участком тела, называемым эрогенной зоной. В каком-то смысле все тело представляет собой одну большую эрогенную зону, но психоаналитическая теория особо выделяет рот, анус и половые органы. Фрейд был убежден в том, что эрогенные зоны являются потенциальными источниками напряжения, и что манипуляции в области этих зон ведут к снижению напряжения и вызывают приятные ощущения. Так, кусание или сосание вызывает оральное удовольствие, опорожнение кишечника ведет к анальному удовлетворению, а мастурбация дает генитальное удовлетворение.

Вторая группа - инстинкты смерти, называемые танатос, - лежит в основе всех проявлений жестокости, агрессии, самоубийств и убийств. В отличие от энергии либидо, как энергии инстинктов жизни, энергия инстинктов смерти не получила особого наименования. Однако Фрейд считал их биологически обусловленными и такими же важными в регуляции человеческого поведения, как и инстинкты жизни. Он полагал, что инстинкты смерти подчиняются принципу энтропии, (то есть закону термодинамики, согласно которому любая энергетическая система стремится к сохранению динамического равновесия). Ссылаясь на Шопенгауэра, Фрейд утверждал: «Целью жизни является смерть». Тем самым он хотел сказать, что всем живым организмам присуще компульсивное стремление вернуться в неопределенное состояние, из которого они вышли. То есть Фрейд верил в то, что людям присуще стремление к смерти. Острота данного утверждения, однако, несколько смягчается тем фактом, что современные психоаналитики не уделяют такого внимания инстинкту смерти. Вероятно, это наиболее спорный и наименее разделяемый другими аспект теории Фрейда.

Что же представляют собой инстинкты в действительности? Любой инстинкт имеет четыре характеристики: источник, цель, объект и стимул. Источник инстинкта - состояние организма или потребность, вызывающая это состояние. Источники инстинктов жизни описывает нейрофизиология (например, голод и жажда). Четкого определения инстинктов смерти Фрейд не дал. Цель инстинкта всегда состоит в устранении или редукции возбуждения, вызванного потребностью. Если цель достигнута, человек испытывает кратковременное состояние блаженства. Хотя

существует много способов достижения инстинктивной цели, наблюдается тенденция к поддержанию состояния возбуждения на некоем минимальном уровне (согласно принципу удовольствия).

Объект означает любого человека, предмет в окружающей среде или что-то в собственном теле индивидуума, обеспечивающее удовлетворение (то есть цель) инстинкта. Действия, ведущие к инстинктивному удовлетворению, не обязательно всегда одни и те же. Фактически, объект может меняться на протяжении жизни. Кроме гибкости в выборе объектов, индивидуумы способны откладывать разрядку энергии инстинкта на продолжительные отрезки времени.

Практически любой поведенческий процесс в психоаналитической теории может быть описан в терминах:

1. привязки, или направления энергии на объект (катексис);
2. препятствия, мешающего удовлетворению инстинкта (антикатексис).

Примером катексиса может служить эмоциональная привязанность к другим людям, (то есть перенос на них энергии), увлеченность чьими-то мыслями или идеалами. Антикатексис проявляется во внешних или внутренних барьерах, препятствующих немедленному ослаблению инстинктивных потребностей. Таким образом, взаимодействие между выражением инстинкта и его торможением, между катексисом и антикатексисом составляет главный бастион психоаналитического построения системы мотивации.

Наконец, стимул представляет собой количество энергии, силы или давления, которое требуется для удовлетворения инстинкта. Оно может быть оценено косвенным образом путем наблюдения количества и видов препятствий, которые предстоит преодолеть человеку в поисках конкретной цели.

Ключом к пониманию динамики энергии инстинктов и её выражения в выборе объектов является понятие смещенной активности. Согласно этой концепции, высвобождение энергии и ослабление напряжения происходит благодаря смене поведенческой активности. Смещенная активность имеет место тогда, когда по каким-то причинам выбор нужного объекта для удовлетворения инстинкта невозможен. В подобных случаях инстинкт может сместиться и, таким образом, сфокусировать свою энергию на каком-нибудь другом объекте.

Фрейд считал, что многие социально-психологические феномены можно понять в контексте смещения двух первичных инстинктов: сексуального и агрессивного. Например, социализацию ребенка можно частично объяснить как результат последовательного смещения сексуальной потребности от одного объекта к другому, как того требуют родители и общество. Сходным образом расовые предрассудки и войны могут быть объяснены смещением агрессивных побуждений. Согласно Фрейду, все устройство современной цивилизации (искусство, музыка, литература) является продуктом смещения сексуально и агрессивной энергии. Не имея возможности получать удовольствие прямо и немедленно, люди научились смещать свою инстинктивную энергию на других людей, другие предметы и другую деятельность, вместо тех, которые предназначались для прямой разрядки напряжения. Таким образом, появляются сложные религиозные, политические,

экономические и другие институты.

У. Макдуголл расширил рамки, установленные Фрейдом относительно количества основных инстинктов, и предложил набор из десяти инстинктов: инстинкт изобретательства, инстинкт строительства, инстинкт любопытства, инстинкт бегства, инстинкт стадности, инстинкт драчливости, репродуктивный (родительский) инстинкт, инстинкт отвращения, инстинкт самоунижения, инстинкт самоутверждения. В более поздних работах У. Макдауголл добавил к перечисленным - еще восемь инстинктов, в основном относящихся к органическим потребностям. Не смотря на такое увеличение числа предлагаемых инстинктов, в целом, суть его теории сводилась так же к проведению аналогии с поведением животных.

В 20-е годы текущего столетия на смену теории инстинктов пришла концепция, опирающаяся в объяснении поведения человека на биологические потребности. В этой концепции утверждалось, что у человека и животных есть общие органические потребности, которые оказывают одинаковое влияние на их поведение.

Периодически возникающие органические потребности вызывают состояние возбуждения и напряжения в организме, а удовлетворение потребности ведет к снижению (редукции) напряжения.

Принципиальных различий между понятиями инстинкта и потребности не было, за исключением того, что инстинкты являются врожденными, неизменными, а потребности могут приобретаться и меняться в течение жизни, особенно у человека. Оба понятия - «инстинкт» и «потребность» - обладали одним существенным недостатком: их использование не предполагало наличия психологических когнитивных факторов, связанных с сознанием, с субъективными состояниями организма, которые называются психическими. В силу данного обстоятельства эти два понятия были заменены понятием влечения - драйва. Влечение - стремление организма к какому-то конечному результату, субъективно представленное в виде некоторой цели, ожидания, намерения, сопровождающееся соответствующими эмоциональными переживаниями.

Американский исследователь мотивации Г. Маррей наряду с перечнем органических, или первичных, потребностей, идентичных основным инстинктам, выделенным У. Макдуголлом, предложил список вторичных (психогенных) потребностей, возникающих на базе инстинктоподобных влечений в результате воспитания и обучения. Это - потребности достижения успехов, аффилиация, агрессия, потребности независимости, противодействия, уважения, унижения, защиты, доминирования, привлечения внимания, избежания вредных воздействий, избежания неудач, покровительства, порядка, игры, неприятия, осмысления, сексуальных отношений, помощи, взаимопонимания. Кроме этих двух десятков потребностей автор приписал человеку и следующие шесть: приобретения, отклонения обвинений, познания, созидания, объяснения признания и бережливости.

Кроме теорий биологических потребностей человека, инстинктов и влечений, в эти же годы возникли еще два новых направления, стимулированные не только эволюционным учением Дарвина, но так же открытиями Павлова.

2.3 Поведенческая теория мотивации и теория высшей нервной деятельности

Поведенческая (бихевиористская) концепция мотивации развивалась как логическое продолжение идей Д. Уотсона в теории, объясняющей поведение. Кроме Д. Уотсона и Э. Толмена, среди представителей этого направления, получивших наибольшую известность, можно назвать, К. Халла и Б. Скинера. Все они пытались детерминистически объяснить поведение в рамках исходной стимульно-реактивной схемы. В более современных ее вариантах (а эта теория продолжает развиваться почти в том же виде) рассматриваемая концепция включает новейшие достижения в области физиологии организма, кибернетики и психологии поведения.

При рассмотрении бихевиористского подхода к личности следует различать две разновидности поведения: респондентное и оперантное. Чтоб лучше понять принципы оперантного научения, мы сначала обсудим респондентное поведение. Респондентное поведение подразумевает характерную реакцию, вызываемую известным стимулом, последний всегда предшествует первой во времени. Хорошо знакомые примеры - это сужение или расширение зрачка в ответ на световую стимуляцию, подергивание колена при ударе молоточком по коленному сухожилию и дрожь при холоде. В каждом из этих примеров взаимоотношение между стимулом (уменьшение световой стимуляции) и реакцией (расширение зрачка) невольное и спонтанное происходит всегда. Также респондентное поведение влечет за собой рефлекс, включающие автономную нервную систему. Однако респондентному поведению можно и научить. Для того, чтобы понять то или иное респондентное поведение, полезно познакомиться с трудами И.П. Павлова - первого ученого, чье имя связывают с бихевиоризмом.

Павлов - русский физиолог, первым при изучении физиологии пищеварения открыл, что респондентное поведение может быть классически обусловленным. Он наблюдал, что пища, помещенная в рот голодной собаки автоматически вызывает слюноотделение. В таком случае слюноотделение - это безусловная реакция или, как Павлов назвал это, безусловный рефлекс (БР). Он вызывается пищей, которая является безусловным стимулом (БС). Великое открытие Павлова состояло в том, что если ранее нейтральный стимул многократно объединялся с БС, то, в конце концов, нейтральный стимул приобретал способность вызывать БР и в тех случаях, когда он предъявлялся и без БС. Например, если колокольчик звонит перед тем, как пища оказывается в пасти у собаки, постепенно у нее начнет выделяться слюна при звуке колокольчика даже если нет пищи. Новая реакция (слюноотделение на звук колокольчика) называется условным рефлексом (УР), а ранее нейтральный вызывающий ее стимул (звук колокольчика) получил название условный стимул (УС).

В более поздних трудах Павлов отмечал, что если он переставал давать пищу после звука колокольчика, у собаки, в конце концов, прекращалось слюноотделение на этот звук. Этот процесс называется угасанием и демонстрирует, что значим как для приобретения так и для сохранения респондентного научения. Павлов также обнаружил, что если собаке дают длительный отдых в период угасания, то

слюноотделение будет повторяться при звуке колокольчика. Это явление соответственно называется самопроизвольное восстановление.

Исследования, начатые И.П. Павловым, были предложены, углублены, расширены не только его непосредственными учениками и последователями, но также другими физиологами и психологами. Среди них можно назвать Н.А. Бернштейна, автора оригинальной теории психофизиологической регуляции движений, П.К. Анохина, предложившего модель функциональной системы, на современном уровне описывающую и объясняющую динамику поведенческого акта, и Е.Н. Соколова, который открыл и исследовал ориентировочный рефлекс, имеющий большое значение для понимания психофизиологических механизмов восприятия, внимания и мотивации, предложил модель концептуальной рефлекторной дуги.

Несмотря на то, что Павлов проводил эксперименты на животных, другие исследователи начали изучать основные процессы классического обусловливания на людях. Эксперимент, который провели Уотсон и Рейнер, иллюстрирует ключевую роль классического обусловливания в формировании таких эмоциональных реакций как страх и тревога.

Респондентное поведение - это скиннеровская версия павловского, или классического обусловливания. Он также называл его обусловливанием типа С, чтобы подчеркнуть важность стимула, который появляется до реакции и выявляет её. Однако Скиннер полагал, что в целом поведение животных и человека нельзя объяснять в терминах классического обусловливания. Напротив, он делал акцент на поведении, не связанном с какими-либо известными стимулами. Тип поведения, который предполагает, что организм активно воздействует на окружение с целью изменить события каким-то образом, Скиннер определил, как оперантное поведение. Он также назвал его обусловливание типа Р, чтобы подчеркнуть воздействие реакции на будущее поведение.

Оперантное поведение (вызванное оперантным научением) определяется событиями, которые следуют за реакцией. То есть за поведением идет следствие, и природа этого следствия изменяет тенденцию организма повторять данное поведение в будущем. Например, катание на роликах, игра на фортепиано, написание своего собственного имени - это образцы оперантной реакции, или операнты, контролируемые результатами, следующими за соответствующим поведением. Это произвольные приобретенные реакции, для которых не существует стимула, поддающегося распознаванию. Скиннер понимал, что бессмысленно рассуждать о происхождении оперантного поведения, так как нам неизвестны стимул или внутренняя причина, ответственная за его появление. Оно происходит спонтанно. Если последствия благоприятны для организма, тогда вероятность повторения операнта в будущем усиливается. Когда это происходит, говорят, что последствия подкрепляются, и оперантные реакции, полученные в результате подкрепления (в смысле высокой вероятности его появления) обусловились. Сила позитивного подкрепляющего стимула, таким образом, определяется в соответствии с его воздействием на последующую частоту реакций, которые непосредственно предшествовали ему.

И напротив, если последствия реакции не благоприятны и не подкреплены, тогда вероятность получить оперант уменьшается.

Скиннер полагал, что, следовательно, оперантное поведение контролируется негативными последствиями. По определению, негативные, или аверсивные последствия ослабляют поведение, порождающее их, и усиливают поведение, устраняющее их.

Для того, чтобы изучать оперантное поведение в лаборатории, Скиннер придумал на первый взгляд простую процедуру, названную свободным оперантным методом. Полуголодную крысу поместили в пустую «свободно-оперантную камеру» (известную как «ящик Скинера», где был только рычаг и миска для еды. Сначала крыса демонстрировала множество оперантов: ходила, принюхивалась, почесывалась, чистила себя и мочилась. Такие реакции не вызывались никакими узнаваемыми стимулами; они были спонтанны. В конце концов, в ходе своей ознакомительной деятельности крыса нажимала на рычаг, тем самым получая шарик пищи, автоматически доставляемый в миску под рычагом. Так как реакция нажатия рычага первоначально имела низкую вероятность возникновения, ее следует считать чисто случайной по отношению к питанию; то есть мы не можем предсказать, когда крыса будет нажимать на рычаг, и не можем заставить ее делать это. Однако лишая ее пищи, скажем, на 24 часа, мы можем убедиться, что реакция нажима на рычаг приобретет, в конце концов, высокую вероятность в такой особой ситуации. Это делается при помощи метода, называющегося научение через кормушку, посредством которого экспериментатор дает шарик пищи каждый раз, когда крыса нажимает на рычаг. Потом можно увидеть, что крыса проводит все больше времени рядом с рычагом и миской для пищи, а через соответствующий промежуток времени она начнет нажимать на рычаг все быстрее и быстрее. Таким образом, нажатие рычага постепенно становится наиболее частой реакцией крысы на условие пищевой депривации. В ситуации оперантного научения поведение крысы является инструментальным, то есть оно действует на окружающую среду, порождая подкрепление (пищу). Если далее идут неподкрепляемые опыты, то есть если пища не появляется постоянно вслед за реакцией нажатия рычага, крыса, в конце концов, перестанет нажимать его, и произойдет экспериментальное угасание.